

В.И. Карасик. Анекдот как предмет лингвистического изучения

Анекдот, короткий забавный рассказ несомненно заслуживает специального лингвистического изучения. С одной стороны, смех и комическое относятся к важнейшим концептам культуры, к таким координатам бытия, как официальное и карнавальное отношение к миру, по М.М. Бахтину, и соответственно находят разнообразное выражение в языковой семантике и прагматике. С другой стороны, анекдот представляет собой устойчивую форму повествования и характеризуется признаками, отличающими этот тип текстов от смежных типов. И культурологическое, и текстуально – стилистическое изучение анекдотов становится более полным при учете этнокультурных и социокультурных данных. Анекдот в том или ином виде можно встретить в любой из внутринациональных речевых культур, но по своей сути этот речевой жанр относится к разговорному общению, для которого характерно совмещение ситуации – темы с ситуацией текущего общения [Гольдин, Сиротина, 1993, с.15].

Анекдот принадлежит к числу устных видов словесности и строится по законам жанра фольклорных текстов. Мы не рассматриваем здесь только юмористические ситуации из жизни известных людей, недостоверные смешные события, что соответствует этимологии слова – «неизданное». Цель анекдота – создание комической ситуации, т.е. ситуации, предназначенной для веселья. Смех, по мнению А. Бергсона [Бергсон, 1992, с.20 – 21], возникает как реакция общества на механическую косность характера, ума и даже тела. Косность и гибкость – официальная и карнавальная культура, таковы философские основания смеха. Анекдот – это своего рода контроль общества над кристаллизацией социальных отношений, при этом мы понимаем, что без стабилизации, определенности, формальной слаженности и естественно возникающей ритуальности общество нормально функционировать не может. Вместе с тем в стабилизации есть угроза развитию, и самой мягкой (и в то же время достаточно действенной) формой критики по отношению к стабильному положению вещей выступает шутка, подвергающая сомнению то, что становится устойчивым. При этом важно отметить, что диалектика косности и гибкости в человеческом поведении соответствует общему закону номинации – чем актуальнее для говорящих является тот или иной комплекс идей, тем большее количество языковых единиц используется для обозначения соответствующего круга понятий. Расширим эту корреляцию – чем более значимой для общества является та или иная ценность, тем более вероятна вариативная детализация норм, связанных с этой ценностью, и соответственно, появление различных карикатурных изображений этих норм. Не случайно идея ценности здравого смысла, лежащая в основе английской культуры, привела к расцвету абсурда как критики здравого смысла, это наблюдается в традиционных английских шутках, лимериках, классических английских и квази-английских анекдотах:

- Сэр, вчера я проходил мимо Вашего дома.
- Спасибо.

Для лингвистического осмысления шутки важным является введенное Д. Хаймсом понятие «**ключ общения**» – манера передачи сообщения; например, лекция может читаться математически точно или же с веселой легкостью [Белл, 1980, с.111]. Ключ общения определяется статусно – ролевыми и межличностными отношениями между участниками коммуникации. *Можно выделить несколько ключей общения: обычное (нейтральное), торжественное, официально – деловое, дружеское, шутливое общение.* Разумеется, список можно продолжить. Важно отметить, что шутливое общение не сводится только к поддержанию близкой, дружеской дистанции между партнерами, хотя именно на такой дистанции шутка наиболее уместна. **Шутка диалогична, и в случае неравенства участников общения, как показывает специальное исследование, существенным оказывается право одного из них первым пошутить или поддразнить партнера** [Linde, 1988, p.147]. Дж. Лич в своей работе «Принципы прагматики» анализирует постулаты общения и выделяет «**принцип иронии**» и «**принцип добродушной шутки**» как особые условия «межличностной риторики» [Leech, 1983, p.149]. Действительно, в общении весьма часто складывается ситуация, когда говорящий вольно или невольно заставляет слушающего усомниться в абсолютной серьезности того, о чем идет речь. Это могут быть мимические знаки, оттенки интонации, выбор слов, общая тональность высказывания. Особую роль здесь играет смена регистра общения, т.е. сокращение или увеличение социальной дистанции [Карасик, 1992, с.267]. Мы согласны с А. Бергсоном, утверждающим, что смех снимает косность в общении, хотя, вероятно, не только смех выполняет эту функцию. Вероятно, выбор ключа общения (говорящий имеет

право менять ключи общения по ходу коммуникации) представляет собой выражение более общего, возможно, глобального социально – психологического принципа общения – адекватности реакции: «Не отрывайся от действительности!» Существуют более и менее застывшие формы общения, к первым относятся виды делового (в более широком смысле – институционального) общения, например, политическое, религиозное, терапевтическое, педагогическое общение, ко вторым – виды межличностного общения. Если в институциональном общении человек выступает преимущественно как представитель той или иной группы людей (пациент, покупатель, учитель) и контролирует контакт со своим партнером на рациональной основе, то в межличностном общении, где особенно важен эмоциональный контакт между людьми, требуется более интенсивное подтверждение адекватности взаимопонимания. Человеческое общение полифонично. Преимущественно информационное общение осуществляется в нейтральном ключе. Все другие, маркированные ключи общения актуализируют двуплановость коммуникации, т.е. передачу информации и поддержание контакта. Таким образом, мы приходим к выводу о фатической функции любого общения с выраженным ключом: торжественная речь призвана соотнести два плана – данное общение и более важную вневременную связь людей (в этом состоит суть ритуала), шутка (и анекдот в частности) соотносит данное общение и постоянно меняющуюся реальность. Отметим, что в специальном исследовании, посвященном фатическому общению, шутка рассматривается как один из жанров этого общения [Дементьев, 1995, с.56].

Все анекдоты и шутки можно классифицировать на основании различных критериев. Наиболее частыми признаками соответствующих текстов выступают их тематика и источник. Выделяются бытовые, политические, медицинские, армейские, театральные анекдоты, анекдоты о пьяницах, неверных супругах, о животных, олицетворяющих те или иные человеческие качества, о представителях определенных национальностей и социальных групп, с одной стороны, и английские, французские, русские, украинские, еврейские анекдоты, с другой. Заслуживает внимания монография В.Г. Раскина «Семантические механизмы <юмора>» [Raskin, 1985], где предпринята попытка построить целостную теорию юмора на основе достаточно обоснованной гипотезы, суть которой состоит в том, что текст, содержащий шутку, сориентирован на два различных скрипта (обобщенных представления действительности), эти скрипты находятся в оппозитивных отношениях, и основные типы оппозиции сводятся к противопоставлениям «реальное/нереальное», «нормальное/неожиданное», «возможное/невозможное». Автор противопоставляет юмор и остроумие (т.е. спонтанный и неспонтанный юмор), анализирует имеющиеся в лингвистической науке классификации юмористических ситуаций и текстов (например, любое нарушение привычного порядка вещей, замену одних вещей другими, игру слов, бессмыслицу, замаскированные оскорбления и т.д.). По мнению В.Г. Раскина, выделяются восемь типов юмористических высказываний:

- 1) намеренное высмеивание («Кто тот джентльмен, с которым я видел тебя вчера вечером?» – "Это был не джентльмен, а сенатор»);
- 2) мягкое, любящее высмеивание в стиле Марка Твена («Мама, я уйду в армию.» – «Ладно, только не приходи домой поздно»);
- 3) смех над самим собой (Преступник, которого ведут на казнь в понедельник, говорит: «Неплохо начинается неделя!»);
- 4) пренебрежительный смех над собой (Медсестра: «У вас сильный кашель. Что вы принимаете от него?» – Пациент: «А вы что мне предложите?» – (Буквально: Make me an offer! – Так часто говорят во время коммерческих сделок. – В.К.);
- 5) загадка («Какой рукой нужно помешивать кофе – левой или правой?» – «Нужно пользоваться ложкой»);
- 6) головоломка с каламбуром («Почему вырванный зуб похож на позабытую вещь?» – «Потому, что из головы вон»);
- 7) чистый каламбур («Первое, что поражает новичка в Нью-Йорке, это наехавший автомобиль»);
- 8) юмор как сублимация протеста («Конкурс на лучший политический анекдот в Москве. Первый приз – 25 лет в колонии строгого режима») [Raskin, 1985, p.25 – 26].

В основу приведенной классификации положены, как мы видим, различные критерии: степень эмоционального сопереживания, рефлексивность, коммуникативная форма высказывания, психологи-

ческая мотивировка речевого действия. Все эти критерии несомненно существенны, но представляется, что можно предложить классификацию анекдотов на основании иных признаков в составе единой концептуальной схемы. Такой схемой мы считаем семиотическую модель. Разумеется, эта модель не претендует на всеобъемлющий охват объекта, но, как нам представляется, обладает достаточно мощной объяснительной силой.

Знаковое пространство образуется тремя общесемиотическими координатами – отношениями знака к миру (семантика), к интерпретатору (прагматика) и к другим знакам (синтактика) [Моррис, 1983, с.42]. В ряде работ устанавливается различие между отношением знака к мысленным образам, отражениям (семантика в более узком смысле) и к объектам отражения (сигматика) [Зегет, 1985, с.25]. Известно, что имело место некое событие. Это событие соотносится с объективным миром – известными фактами, вероятными фактами, знаниями о фактах и связях между явлениями, отношениями людей к этим фактам и т.д. У говорящего и слушающего есть общий фонд знаний, поведенческих установок и ценностей. Далее, текст анекдота накладывается на некую первооснову, которая выступает в качестве точки отсчета, это текстовый тип анекдота, его зачин и завершение, динамическая модель анекдотического развития действия. И наконец, событие, о котором идет речь, излагается определенными языковыми средствами (отношение к самому способу выражения). Следует отметить, что различные стороны знака не являются взаимоисключающими, это не компоненты целого, а разные аспекты его рассмотрения.

В плане семантики двуплановость анекдота проявляется в карикатурном изображении предметов (нарушение образов), пространственно – временных координат (высмеивание привычных фактов), взаимных позиций персонажей (высмеивается непонимание партнера), а также в обыгрывании двусмысленности или неопределенности ключевого понятия анекдота. Иначе говоря, семантическая двуплановость анекдота имеет денотативное (референциальное) и сигнификативное измерение.

Самое простое нарушение привычной картины мира – это нарушение семантики образов:

– Мне явно подменили рубашку в прачечной, – пожаловался муж. Воротник так мал, что я просто задыхаюсь. Это не моя рубашка.

– Ничего подобного, – ответила жена, – рубашка твоя. Не будь таким рассеянным. Ты продел голову в петлю для пуговицы.

Ряд анекдотов построен на нарушении семантики координат (например, пространственных):

В кабину водителя метро в Москве врывается пьяный с пистолетом в руке:

– Гони в Хельсинки!

– Это же метро!

– В Хельсинки, а то пристрелю!

Водитель объявляет:

– Осторожно! Двери закрываются. Следующая станция – Хельсинки.

К числу фреймовых нарушений относится конфликт представлений: в анекдоте сталкиваются диаметрально противоположные пресуппозиции персонажей. Например:

– Скажите, доктор, а вам всегда удается вырвать зуб без боли?

– К сожалению, нет. Вчера я, например, вывихнул себе руку...

Более сложное семантическое нарушение связано с неопределенностью ключевого понятия:

– Я достала прекрасное лекарство.

– От чего?

– Точно не знаю, но говорят, очень помогает!

Многие анекдоты строятся на двусмысленности интерпретации ключевого понятия. Можно выделить по меньшей мере две разновидности таких анекдотов. К первой группе мы относим расширение либо сужение понятия:

– Папа, я не могу выйти замуж за Константина! Он – атеист, и не верит, что существует ад.
– Ничего, дочка. Смело выходи за него. Ты и твоя мамочка очень скоро сумеете убедить его, что он глубоко заблуждается!

Вторая группа – это анекдоты с идиоматическим переосмыслением ключевого понятия. Как правило, такие семантические сдвиги требуют фоновых знаний и закрыты для представителей иной культуры:

– Есть ли в СССР бедняки?
– Есть. Это те, у кого нет ничего своего. Квартира – государственная, дача – государственная, машина – государственная.

Прагматическая двуплановость анекдота гораздо сложнее, чем карикатурное представление семантики в смешном повествовании. Представляется возможным выделить оценочные и выводные несоответствия в анекдотах. Первые выражаются в виде высмеивания персонажа (речь идет не о простом высмеивании, а о понижении статуса того, кто претендует на высокий статус) и в виде шуточного переворачивания общепринятых норм, а вторые представляют собой насмешку над стандартной логикой.

Оценочные несоответствия затрагивают разные характеристики людей. Например, внешность:

– Каждый раз, когда вижу что – нибудь смешное, не могу удержаться от смеха!
– И как же тебе удастся бриться?

Весьма часто высмеивается интеллектуальная несостоятельность:

Объявили о выставке ослов. Отвели площадку, отгородили веревкой и со всех входящих брали плату. Народ ходил, ходил, смотрели друг на друга и спрашивали:
– А где же ослы?

Выделяются анекдоты с общеоценочным смыслом:

– Сэр, подержите мою лошадь, я скоро вернусь.
– Но, помилуйте, я член парламента!
– Это меня не пугает, у вас вид честного человека!

Нарушения общепринятых ценностей можно разделить на два класса: высмеивание утилитарных и моральных норм, с одной стороны, и насмешка над рациональным поведением как таковым, с другой стороны. Нарушая утилитарные нормы, персонаж причиняет вред себе:

Полицейский:

– Опишите мужчину, ранившего вас ножом.
– Это длинный тип с круглой физиономией, примерно такой же, как у вас, господин комиссар.

Мы говорим о высмеивании моральных ценностей, если персонаж ставит под сомнение нормы общества:

Один жалуется другому:

– Такой сейчас некультурный народ пошел! Вчера, когда я выходил из пивной, мне все руки отдавали.

Сюда же относится, на наш взгляд, известная серия «садистских анекдотов».

Разновидностью нарушения моральных норм общества является их открытая подмена утилитарными ценностями:

«Ваши творческие планы?» – спросили у писателя NN.
«Собираюсь написать повесть, рублей на триста».

Насмешка над рациональным поведением выражается как абсурд:

В поезде едут два англичанина. Один из них очищает бананы, солит и выбрасывает в окно.
– Простите, сэръ, зачем вы это делаете?
– Не люблю соленые бананы.

Несоответствие вывода в анекдоте проявляется как ловушка, в которую попадает один из персонажей либо адресат, и как высмеивание чересчур правильных логических построений. Разновидностью несоответствия вывода является понижение ожиданий персонажа либо адресата:

– Любимая, хочешь, я прокачу тебя до моря на огромной машине с мощным мотором?
– Конечно, дорогой.
– Тогда пошли на остановку автобуса.

Можно выделить указательные и аргументативные несоответствия в логических построениях, которые высмеиваются в анекдотах. Указательное несоответствие иллюстрирует нарушение коммуникативного постулата релевантности:

– Наш воздушный шар потерял управление! Нас куда – то унесло. Где мы находимся?
– Мы находимся в кабине воздушного шара.

Приведем пример аргументативного несоответствия:

На таможне.
– Откройте свой чемодан.
– Но у меня нет чемодана!
– Это не важно. Порядок для всех один.

Синтактика анекдота – это его соотношение с формальными типами анекдотов, с различными текстами, цитатами. По форме текста можно выделить анекдот – повествование (прототип анекдота), анекдот – загадку, анекдот – афоризм, анекдот – пародию.

Анекдот – повествование, на наш взгляд, представлен двумя основными видами – рассказом о некотором событии и коротким диалогом остроумного содержания. Рассказ о смешном событии может быть классическим нарративом, включающим экспозицию, сюжет, кульминацию в полной или свернутой форме:

Рассказывают, что Ходжа Насреддин предложил эмиру за двадцать лет обучить осла арабской грамоте.

«Ты с ума сошел!» – сказали люди. – «Это невозможно. Эмир казнит тебя».
«За двадцать лет,» – ответил Ходжа, – «кто-нибудь из нас умрет – или осел, или эмир, или я».

Короткий диалог представляет собой повествование о речевых действиях, при этом кульминация действия может заключаться как в ответной реплике, так и в описании этой реплики. Например:

– А собственное мнение у вас есть?

– Есть, но я его не разделяю.

Описание реплики противоречит ее содержанию, и в этом состоит соль анекдота:

– Как живете, товарищи?

– Хорошо! – шутят колхозники.

Анекдот – загадка формально соответствует вопросу с ответом, который известен адресату, но в анекдотичном ответе сталкиваются два текста – первичный и вторичный, при этом первичный текст может остаться в пресуппозиции и может быть выражен частично либо полностью:

У Армянского радио спросили:

– Есть ли жизнь на Марсе?

– Тоже нет.

Анекдот – афоризм занимает пограничное положение между прототипным анекдотом и остроумным авторским высказыванием, имеющим глубокий смысл. С формальной точки зрения такие анекдоты построены как философские суждения, дефиниции, классификации:

Настоящий джентльмен – это тот, кто кошку всегда называет кошкой, даже если он о нее споткнулся и упал.

В отличие от настоящего афоризма анекдот – афоризм характеризуется не глубиной смысла, а легким, веселым остроумием. Анекдоты полны оптимизма, в то время, как афоризмы могут быть пессимистичными:

Подражая человеку, обезьяна еще больше становится обезьяной (Г.Малкин).

Анекдот – пародия строится по аналогии с каким – либо стандартным текстом, это может быть объявление, лозунг, рецепт, техническая инструкция и т.д. Например:

На первом этаже круглосуточно работает зеркало.

Анекдот соотносится не только с целыми текстами определенных жанров и видов, но и с любыми устойчивыми выражениями, в частности, с цитатами, которые используются в качестве ключевого компонента анекдота:

– Что такое Золотая Орда?

– Это ограниченный контингент монголо-татарских войск на территории Древней Руси.

Сигматика анекдота состоит в обыгрывании его звуковой стороны. В этом плане выделяются анекдоты, построенные на звуковой имитации и звуковом совпадении (как правило, каламбуре).

Звуковая имитация является языковой игрой, при этом предмет юмора может быть человек (с дефектом речи, носитель диалекта, иностранец или тот, кто говорит с акцентом), животное, предмет:

В кабинет с надписью «Логопед» робко просовывает голову мужчина и спрашивает:

– Мона?

– Не мона, а нуна! – отвечает логопед.

К этому же типу, по – видимому, относятся и анекдоты с рифмовками.

Звуковое совпадение в анекдотах представлено двумя разновидностями: это либо каламбур, либо использование слова в произвольном значении, мотивированном фонетически. В русском языке каламбур может быть корневым:

Вышел старик к синему морю, стал он кликать золотую рыбку и закликал ее до смерти. (Этот анекдот понятен тем, кто работает с электронно – вычислительной техникой, поскольку он основан на компьютерном сленге: "клик" – англ. click – щелканье, щелчок, например, при нажатии клавишей клавиатуры).

Использование слова в произвольном значении высмеивает недостаточно грамотных людей:

В театре:

– Тише, увертюра!

– От увертюры и слышу!

Резюмируем сказанное.

Семиотический подход дает возможность построить новую типологию текстов, объединенных жанром «анекдот». Важнейшими характеристиками данного жанра являются шуточный ключ общения, фольклорность, двуплановость, фатика, наличие ключевого компонента, который носит предметный либо понятийный характер, имеет оценочную и/или аргументативную природу, соотносит текст конкретного анекдота с типовыми текстами этого жанра и может заключаться в обыгрывании звуковой стороны анекдота.

Литература

1. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. – Саратов: Изд-во Саратовск. Ун-та, 1993. – С. 9 – 19.
2. Бергсон А. Смех. – М.: Искусство, 1992. – 127 с.
3. Белл Р. Социоллингвистика. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 320 с.
4. Linde C. Linguistic consequences of complex social structures: rank and task in police helicopter discourse // Berkeley Linguistic Society. Proceedings of the 14th Annual Meeting. – Berkeley (Cal.), 1988. – P.142 – 152.
5. Leech G.N. Principles of pragmatics. – London: Longman, 1983. – 250 p.
6. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1992. – 330 с.
7. Дементьев В.В. Жанры фатического общения // Дом бытия. Альманах по антропологической лингвистике. Вып.2. – Саратов: Изд-во Саратовск. пед. Ин-та, 1995. – С. 50 – 63.
8. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. – Dordrecht: Reidel, 1985. – 284 p.
9. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С.37 – 89.
10. Зегет В. Элементарная логика. – М.: Высш. школа, 1985. – 256 с.